ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА КАК ХРАНИТЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО АРХАИЗМА: МАТЕРИАЛ ХОРЕЗМСКИХ ОГУЗСКИХ ГОВОРОВ

Матназаров Шахзодбек Бахтиярович
PhD, Ургенчский государственный университет имени Абу Райхана Беруни
Исмаилова Анахон Камоладдин кизи
Докторант 3-го курса Ургенчского государственного университета имени Абу Райхана Беруни

Аннотация. В статье анализируются морфологические и синтаксические особенности паремиологической единицы. Центральный тезис состоит в следующем: будучи устойчивой единицей, паремия защищает входящие в её состав грамматические формы от изменений живой речи и тем самым превращается в естественный архив истории языка. Тезис проверяется на материале огузских говоров Хорезма: анализируются форма категорического будущего времени -ur/-ür, форма имени действия -mak, образования -quv/-guv, а также вариант -din исходного падежа.

Ключевые слова: паремиологическая единица, морфологический архаизм, категорическое будущее время, условное наклонение.

Введение. Грамматический анализ паремии в одном отношении коренным образом отличается от анализа единиц свободной речи. В свободном предложении говорящий выбирает форму: время, наклонение и падеж он определяет в соответствии со своим намерением. В паремии же выбора нет: форма приходит вместе с единицей в готовом виде и не изменяется.

Отсюда вытекает центральный тезис настоящей статьи: будучи устойчивой единицей, паремия защищает входящие в её состав морфологические формы от изменений живой речи. В результате формы, вышедшие из языка, сохраняются в

составе паремии. А.А. Потебня, определяя пословицу как сгущённую басню, показал, что в ней сохраняется сжатый след некогда существовавшего развёрнутого текста [3]. На грамматическом уровне это правило действует ещё более отчётливо.

В узбекском языкознании грамматические особенности пословиц исследованы Х. Абдурахмановым [2]. Учёный работал на материале литературного языка. В настоящей статье анализ переносится на диалектный материал, и это даёт существенное отличие: диалектный фонд, не прошедший нормализацию, полнее сохраняет архаические формы.

Глагольные формы и архаический пласт. Глагол является самой активной частью речи в корпусе. Причина — в том, что паремия выражает законченное суждение: суждение требует сказуемого, а функцию сказуемого в большинстве случаев выполняет глагол.

Наиболее ценным материалом для исследования является форма категорического будущего времени -ur/-ür. Она последовательно употребляется в следующих единицах [9]:

Iči kemäni tutgan yarq ičidä qálur («Кто захватил нутро лодки, сам в пучине останется»);

Táj át bolgunča ägäsi it bolur («Пока жеребёнок станет конём, хозяин станет собакой»);

Báj maqtansa, tápìlur, joq maqtansa, čápìlur («Похвалится богач — ему поверят, похвалится бедняк — получит удар»).

В современном узбекском литературном языке эта форма неактивна, её место заняла форма -adi. В языках огузской группы она осталась основной формой, и Ф.А. Абдуллаев отметил её как признак огузского наречия узбекского языка [1].

Особого внимания заслуживает распределение формы в корпусе. Она встречается в основном в единицах из сборника «Хорезмский фольклор», а в современном словаре зафиксирована лишь в единичных случаях. Это распределение допускает два объяснения: либо форма действительно уходит из живой речи, либо современные собиратели приблизили текст к литературной норме. Необходимо учитывать и вторую вероятность.

Особую функцию выполняет форма -mish:

Er-xátìnnìŋ urïšïya bosaya kűlärmiš («Над ссорой мужа и жены порог смеётся») [10];

Jer qattìq bolsa, höčiz höčizdän görärmiš («Коли земля тверда, вол на вола пеняет») [8].

Она смягчает суждение, поскольку подаёт высказываемую мысль не как личный вывод говорящего, а как народный опыт. Формы причастия создают обобщённое лицо: причастие на -gan обозначает не конкретного человека, а любого, кто совершает определённое действие [8].

Именные формы и падежный вариант. Существительное и его грамматические формы проявляют в паремии меньшую изменчивость, чем глагол, но именно эта устойчивость делает их удобным материалом для выявления диалектных признаков.

Среди падежных форм наибольшего внимания заслуживает вариант -din исходного падежа [9]:

Bojnì bár däräqdin, aqlì joq köräkdin («Ростом с тополь, а ума — меньше хлопковой коробочки»);

Čumčìqdìn qorqqan tarìq elmäs («Кто воробья боится, тот проса не сеет»);

Tutun ömčädin čïqar («Дым выходит через дымоход»).

Лексема *ömčä* в третьем примере означает «дымоход, отдушина».

Примечательно, что запись одних и тех же единиц в литературной орфографии и в транскрипции не совпадает. Если в орфографической записи первого примера стоит аффикс -day, то транскрипция даёт форму *däräqdin*. То же самое наблюдается в единице *Ignädin jerdän tujadin šamál ötär* («Сквозь щель с игольное ушко проходит ветер с верблюда») [9]. Это свидетельствует о необходимости опираться в морфологическом анализе не на орфографическую форму, а на транскрипцию. Когда собиратели записывают текст, приближая его к литературной норме, диалектные признаки исчезают из записи, тогда как в транскрипции они сохраняются.

Синтаксическая модель и её логическая основа. Паремиологическая единица строится по модели предложения и формально не отличается от обычного предложения. Различие заключается в способе её возникновения: свободное предложение порождается в процессе речи, а паремия воспроизводится в готовом виде. Поэтому синтаксическая модель паремии рассматривается как внешнее выражение её логической модели [4].

Условное наклонение является наиболее частотной формой в корпусе: *Araq qazìmasaŋ, átìza suv bármas* («Не выкопаешь арык — вода на поле не пойдёт») [9]. Недостаточно просто констатировать преобладание этой модели: его причину следует искать в логической природе паремии. Поскольку паремия является знаком класса ситуаций, она наиболее склонна выражать отношение условия и следствия. Условная же модель передаёт это отношение грамматически наиболее экономно.

Экономия служебных слов является одной из формальных особенностей паремии. Союзы во многих случаях опускаются, а части ставятся непосредственно рядом. Отсутствие союза не только сокращает выражение, но и требует, чтобы отношение между частями восстановил сам слушатель, что усиливает воздействие паремии [5].

Заключение. Анализ подтвердил центральный тезис статьи. Паремия как устойчивая единица защищает входящие в её состав грамматические формы. В результате ряд форм, вышедших из живой речи, — вариант -ur/-ür категорического будущего времени, форма имени действия -mak, образования -quv/-guv — сохранился только в составе паремии.

Анализ варианта -din исходного падежа дал вывод, имеющий методологическое значение: форма единицы в литературной орфографии и в транскрипции систематически не совпадает. Следовательно, грамматический анализ диалектного паремиологического материала может проводиться только на основе транскрипции; опора на орфографию ведёт к утрате диалектных признаков.

На синтаксическом уровне преобладание условной модели вытекает из логической природы паремии, а употребление повелительного наклонения преимущественно в отрицательной форме объясняется её предостерегающей функцией. Малочисленность вопросительных предложений и риторический характер имеющихся показывают, что в паремии вопрос подчинён суждению.

В целом паремиологический фонд огузских говоров Хорезма служит естественным источником для исторической грамматики узбекского языка. Сохранившиеся в нём формы типологически близки к пласту письменных памятников, и эта близость требует переоценки места диалектного материала в истории языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Абдуллаев Ф. Ўзбек тилининг Хоразм шевалари. – Тошкент: Фан, 1961.

Абдураҳмонов Х. Ўзбек халқ мақолларининг синтактик хусусиятлари: Филол. фан. номз. дисс. автореф. – Тошкент, 1964.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков, 1894.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1999.

Jo'rayeva B.M. O'zbek xalq maqollari shakllanishining lingvistik asoslari: Filol. fan. d-ri (DSc) diss. avtoref. – Toshkent, 2019.

Mieder W. Proverbs: A Handbook. – Westport: Greenwood Press, 2004. – 304 p.

Норбоева Ш., Саъдуллаева Н., Атабоева М. Хоразм шеваларидаги мақол ва ибораларнинг қисқача изоҳли луғати. – Урганч, 2022. – Б. 84, 98, 99.

Xorazm folklori. XI tom / To'plovchi S. Ro'zimboyev. – Urganch, 2021. – B. 29–36.

Komil Avaz. Mo'jaz maqollar va naqllar. – Urganch, 2005. – B. 33, 36, 42.